

DIEDERICH BEHREND, *Attische Pachturkunden. Ein Beitrag zur Beschreibung der μισθωσις nach den griechischen Inschriften*. Vestigia, «Beiträge zur alten Geschichte», Bd. 12, München, 1970, I—X+172 стр.

Из многообразных сделок, обозначавшихся в древней Греции термином *μισθωσις* (аренда земли, наем дома, откуп налогов, подряд на производство каких-либо работ или поставку материалов, аренда сиротского имущества), автор выделил для рассмотрения только аренду земли и домов. В отличие от большинства исследователей, занимавшихся этой проблемой, его интересует не хозяйственный и социальный, а правовой аспект¹. Собранный и обобщенный в книге материал является подготовкой к будущему изданию юридических текстов и пособием для историков права — не специалистов в области эпиграфики и филологии. Читатель предупреждается, что в работе не будет эпиграфических и филологических изысканий². Однако в ряде случаев автор пытается разрешить стоящие перед ним вопросы с помощью филологического и терминологического анализа и делает это на достаточно высоком уровне³.

Построение своеобразно: от синтеза к анализу. Вначале рассматриваются теоретические вопросы — происхождение сделок и наименования *μισθωσις*, сущность их и в связи с этим — договорное право в древней Греции; затем — сохранившиеся аттические тексты, а в заключение — выводы на их основе, подтверждающие высказанные вначале суждения. Подробно разбираются существующие в научной литературе мнения о происхождении и правовом характере *misthosis* (Германн, Вольф, Парч, Болла, Рупрехт, Латте, Прингсгайм и др.). Не претендуя на оригинальность суждений⁴, автор отбирает рациональные зерна у своих предшественников и конструирует наиболее приемлемую на его взгляд рабочую гипотезу.

Поставив вопрос, почему сделки, столь различные по своему характеру, обозначаются одинаково — *misthosis*, автор предпринимает семантико-исторический экскурс в период, предшествующий изучаемым им нациям. Учитывается, что более поздние античные авторы, сообщаящие о прошлом, могли применить современную им терминологию. Тем более ценны дошедшие до нас подлинные древние тексты. Уже в табличках линейного В засвидетельствовано предоставление земельных участков и скота различным группам и отдельным лицам за определенные поставки или вознаграждение. В литературе это определяется как аренда (*Pacht, lease*). Однако в этих текстах нет слов *misthos* или *misthosis*. Ввиду ограниченности материала, относящегося только к государственному или дворцовому хозяйству, нельзя заключить, что слова эти вообще отсутствовали в языке ахейских греков. Но при данном уровне знаний тексты линейного В ничего, по мнению автора, не дают для понимания греческой *misthosis* (стр. 30—33).

В гомеровских поэмах упоминается *misthos* — плата за службу сельскохозяйственным наемным работникам, лекарям, гадателям, строителям и др., но нет аренды. Первая известная в Греции сделка — *misthosis* — связана с анекдотом о Фалесе Милетском, арендовавшем в предвидении отличного урожая оливок все маслобойни в Милете (Arist., *Polit.* 1259a 5—20). Терминология может быть поздняя, но по сути (*Sachverhalt*) это аренда (стр. 37). Сообщения о гектеморах в предсолоновской Аттике не могут рассматриваться как примеры последующей свободной аренды. Автор присоединяется к распространенному мнению, что гектемория — это особая форма кабалы, при которой кредитор прикрепляет должника к источнику дохода, не связывая себя долговым рабом.

¹ Книга представляет собой переработанную диссертацию, защищенную в 1968 г. на юридическом факультете Мюнхенского университета.

² Удачно цитируется (стр. 6, прим. 22) в этой связи L. Robert «Незнание эпиграфики распространено, и в этом нет ничего постыдного, но лучше не говорить о том, чего не знаешь».

³ Так, например, толкование медиальной формы *μισθωσθαί* (стр. 42, прим. 16), комментарий к № 24 (стр. 79), к № 36 (стр. 92) и др.

⁴ «Da ich nur wie der Kenner bemerken wird, eine zum grossen Teil bekannte Meinung zusammenfasse...» (стр. 17).

Генетически и терминологически *misthosis* восходит к трудовым соглашениям, когда за выполнение определенной работы полагалась плата *misthos*. Эволюция проявилась в том, что отношение, когда кто-то за определенную плату обрабатывал чужую землю (при этом собственнику доставался переменный доход), сменяется таким, когда некто ради переменного дохода обрабатывает чужую землю и дает собственнику твердую часть этого дохода (стр. 41—42). Так как переход произошел при натуральном хозяйстве, расчеты облегчены и аренда сначала была издольной (*Teilpacht*). Твердая плата эволюционирует в плату из части дохода. *Misthosis* выросла из трудовых отношений, но не из рабства или самозакабаления. Греческое право аренды отличается от римского, ибо оно выросло из *misthos* — платы за труд, а римское — из передачи права распоряжения (*Beherrschungsrecht*). При капиталистическом использовании земельной собственности⁵ арендные соглашения подчиняются общим правилам денежных сделок (*Verkehrsgeschäfte*). Арендная плата вносится после обработки земельного участка. Земля используется с учетом возможного увеличения ее доходности в будущем, что может привести к повышению арендной платы.

Греки часто употребляли слова, обозначающие куплю-продажу (*πῶσις* — *prōsis*)⁶ там, где римляне говорили об откупе и аренде. Но этого терминологического смешения нет при аренде земли. Беренд объясняет это тем, что *misthosis* греки рассматривали прежде всего как трудовое соглашение, приносящее *phoros* или *misthos*. При сделках «купи» плата заранее определена и хотя бы частично вносится наперед; лишь после этого уплативший получает договоренное право. При *misthosis* происходит раньше передача объекта, затем следуют приложение труда и плата.

Анализируя правовую сущность арендной сделки, автор исходит из того, что греческий договор развивался без влияния теории, и вряд ли у греков вообще существовало общее понятие договора. Но независимо от того, осмыслили ли это стороны, любое соглашение, в том числе и об аренде, имело определенную правовую окраску. Был ли этот договор реальным, формальным или консенсуальным? Беренд отвергает существующие по этому поводу противоречивые суждения Вольфа, Германна, Куссмауля и др. и справедливо замечает, что греческий договор не может быть понят в свете римских категорий. Греки подходили к договору с точки зрения субъективного права и возможности добиться его осуществления через суд. Субъективное право — это прежде всего право распоряжаться (как вещами, так и людьми). При нарушении договора меры могли принимать сами заинтересованные стороны (*Selbsthilfe*) или обращались к арбитрам⁸, наконец, в суд. Обращение в суд предполагало наличие соответствующих законов, и практика судебных исков вела к типизации правовой стороны сделок. В случае, когда законом не предусматривалась *δίκη* по той или иной сделке, договаривались о санкциях без обращения в суд (право *πράξις*).

Рассмотрев общие вопросы, Беренд переходит к обзору сохранившихся аттических арендных надписей (стр. 50—101). Они сгруппированы по собственникам сдаваемого в аренду имущества (частные лица, государство, фиды, деми, родовые и культовые группы). Всего учтено 47 надписей от V в. до н. э. до II в. н. э. Дается лишь основное содержание надписей с указанием изданий и библиографии. Эта часть очень выиграла бы, если бы приведены были и сами тексты, тем более, что они рассеяны в различных собраниях надписей и журналах. Особенно это необходимо там, где автор критически рассматривает имеющиеся толкования надписей и выдвигает свои гипотезы. Группи-

⁵ Автор имеет в виду, разумеется, не капитализм древней Греции, а отношение к земле, как к источнику денежного дохода.

⁶ Так, например, при сдаче в разработку рудников, откупе налогов.

⁷ Real-, Formal- или Konsensual-vertrag. В первом случае в основе лежит акт передачи землевладельцам объекта аренды, арендатор получает качественно ограниченное право на него, арендная плата — не платежное обязательство, а результат передачи владения. При формальном договоре для его осуществления необходим формальный акт — письменное соглашение или нотариальный документ. При консенсуальном договоре достаточно простого согласия сторон, без дополнительного оформления.

⁸ Арбитраж имел целью прекращение спора, а не применение правовых норм.

ровка по владельцам объектов аренды оправдана, так как предохраняет от распространения в литературе смешения различных категорий так называемых общественных земель. При скудости имеющихся данных следовало привлечь также и литературные источники, особенно судебные речи, содержащие не вымышленный, а фактический материал⁹. В источники об аренде частновладельческих земель надо было привлечь стелы полетов с записями о продаже конфискованного имущества гермокопидов, где есть упоминания об аренде¹⁰. При анализе известной надписи о землевладении афинских клерухов на Лемносе автор не мог, естественно, учесть только что опубликованные ее фрагменты, которые позволяют новые толкования¹¹. Упомянув под № 17 документы о сдаче рудников в разработку, Беренд справедливо исключает их из рассмотрения арендных сделок.

В последней части (стр. 102—153) дается обобщающий обзор рассмотренного материала (*Auswertung der attischen Pachtinschriften*). Надписи сгруппированы в таблицу, которая наглядно показывает число сохранившихся документов по периодам, по характеру их (договоры, списки, правила) и по контексту (упоминания в правовом аспекте, или обстоятельства дела, *Sachverhalt*). Большая часть текстов падает на IV в. до н. э., что характерно и для других аттических документов (например надписи — *hōgoi*). Они четко подразделяются на две группы: правила сдачи в аренду и арендные соглашения. Надпись на камне не была обязательной, достаточно было набеленной таблички *λεβήρις*. Сохранившиеся надписи на камне представляют собой уже заключенные соглашения и их условия, причем ряд деталей опускался¹². При сдаче в аренду общественных земель в качестве сдающей стороны обычно выступают коллективы фил, демов, фратрий, а не община как таковая (пирейцы, садаминии, плотейцы, а не дем Пирей, Плотей и т. д.), что очень характерно для имущественных отношений в этих сообществах.

Отмечая, что в роли арендаторов и частных и общественных земель выступают частные лица, обычно граждане, Беренд высказывает удивление, что среди арендаторов мало метеков (стр. 106). Он, правда, обращает внимание, что соглашения об аренде частной земли не дошли, так как писались на непрочном материале, но не делает вывода, что именно там могли фигурировать арендаторы не-граждане, которые фактически (если не *de iure*) исключены¹³ были из аренды общественных земель. Беренд справедливо объясняет отсутствие деталей в документах об аренде государственных земель тем, что существовали раз навсегда установленные правила и они само собой подразумевались. Упоминаемый в некоторых надписях и литературных источниках *νόμος τῶν τελευτῶν* (№ 6, стр. 55—61 и прим. 39), к сожалению, не раскрыт¹⁴. Что касается фил, демов и других сообществ, они пытались создать каждое для себя какие-то правила, но государство в это не вмешивалось, и картина получается довольно пестрая.

⁹ Так, например, не включена речь Гиперида против Евксениппа, где упоминается аренда земель, принадлежащих филам (§ 16—17); в то же время приводится (под № 9) свидетельство Ксенофонта (*Anab.* V, 3, 13), которое не является документальным источником и к тому же не имеет отношения к Афинам.

¹⁰ Аренда упоминается в стеле II, стб. III, сткк. 172—174 и в стеле VI, сткк. 110—120 («*Hesperia*», XXII, (1953), 4, стр. 252, 273). Издатель стел Притчет полагает, что речь идет о сдаче в аренду государством конфискованных земель до их продажи («*Hesperia*», XXV (1956), стр. 275). Но представляется более вероятным, что при конфискации сохранились ранее заключенные арендные сделки с прежними владельцами, только арендная плата поступала сейчас не им, а в казну (ср. Л. М. Г л у с к и н а, ВДИ, 1968, № 2, стр. 44).

¹¹ Опубликовал Ronald S. Stou d, «*Hesperia*», XL (1971), 2, № 23, стр. 162—173.

¹² Надпись на камне увековечивала другой документ, что было очень важно при длительных сроках аренды и сменяемости должностных лиц, ведавших сдаваемым имуществом.

¹³ Автору, очевидно, оказались недоступными статьи об аренде земли и общественном землевладении, опубликованные в ВДИ, 1967, № 2 (В. Н. Андреев) и 1968, № 2 (Л. М. Г л у с к и н а).

¹⁴ При этом уместно было бы привести A r i s t., *Ath. Pol.* 47,3—4.

Беренд полагает, что письменные документы не были обязательны при аренде, она входила в силу и без такого оформления¹⁵. Однако, если это можно допустить для краткосрочной аренды частных земель, то абсолютно исключается при аренде общественных земель, где минимальным сроком был десятилетний. Автора интересует только правовой аспект — могло ли соглашение войти в силу без или до письменного оформления — но здесь лишний раз сказывается неоправданность игнорирования хозяйственного и социального аспектов¹⁶. При любом оформлении соглашений позиции сторон в греческом праве рассматривались под углом зрения их процессуальной защиты (*aktionenrechtliche Prägung*). За невыполнение обязательств предусмотрены санкции. При этом учитывается не правовое нарушение, а ущерб, нанесенный другой стороне. Арендатора, не выполняющего условий аренды, можно было лишить аренды, отобрать урожай, его собственное имущество, принесенное на участок. Государство подвергало своих арендаторов-недоимщиков атимии. Неисправного арендатора можно было привлечь к суду (*δίκη καρπῶς, ἀμελίου*). Выполнение арендатором обязательств гарантировалось в ряде случаев поручителями или залогом его имущества (*apoti-meta*). Не упоминаются санкции против арендатора, отказавшегося взять объект аренды, очевидно, таких случаев не было. Ответственность начиналась, когда он уже приступал к аренде¹⁷. Нарушение договора землевладельцем могло выразиться в изъятии объекта аренды или одновременной сдаче его другому лицу (*Doppelverpachtung*). Иногда в документах предусмотрены санкции и в этих случаях: *δίκη βλάβης* или штраф. Даже если специальных указаний нет, право арендатора обратиться в суд само собой подразумевалось, как при нарушении любого соглашения. Однако вряд ли случайно, что не сохранилось ни одной судебной речи по такому рода процессу.

Что касается аренды частновладельческой земли, то несмотря на ее распространенность в Аттике IV в. до н. э., отсутствие документальных источников не позволяет выяснить ее условия, взаимные обязательства сторон и возможные санкции. Беренд полагает, что частные лица, сдававшие землю в аренду, могли гарантировать свои интересы поручительством, захватом урожая¹⁸, а кроме того, у них всегда была возможность обращения в суд.

В работе рассматриваются также сроки аренды (от 10 лет до наследственной)¹⁹ и арендная плата²⁰. Нет примеров предварительных платежей²¹ и повышения платы в период аренды²². Отсутствуют данные о субаренде. Арендатор и собственник земли

¹⁵ Если бы оформление было обязательно, существовала бы единая форма, а ее нет (стр. 114—115).

¹⁶ Автор прав лишь в том смысле, что не существовало государственного закона, обязывавшего оформлять аренду письменным документом. Но практика вела к тому, что внутри различных обществ, владевших имуществом, это становилось обязательным.

¹⁷ В нескольких документах предусматривается возможность снижения доходности земельного участка из-за военных действий. В этих случаях остатки урожая делались пополам между собственником земли и арендатором (демы Титраит, Эсконе, Прасии). В одном случае арендатору, если он не доволен такими условиями, разрешено отказаться от аренды (№ 24, стр. 76—80, 121).

¹⁸ Право на урожай, по мнению автора, вытекает из того, что аренда земли первоначально была сделкой в целях получения плодов с помощью партнера, который за обработку поля и уход получал часть урожая.

¹⁹ Приводя примеры краткосрочной аренды (от одного до трех лет), упоминаемые Лисием (VII, 9—11), автор считает это исключением (стр. 116). Он не учитывает, что речь идет о частновладельческой земле, для которой скорее всего характерны именно такие сроки аренды. Косвенно это подтверждается словами Сократа у Ксенофонта, что арендатор заботится о большом урожае для себя, а не о повышении ценности участка (*Symp. VIII, 24—25*).

²⁰ Автор вслед за Жарде и Биллетером постулирует ставки при аренде общественных земель от 4 до 12% (стр. 118 и прим. 84). Первая цифра представляется сильно заниженной и нигде прямо не засвидетельствована. Попытка Беренда дать иное, чем принято, толкование арендной ставки в декрете фратрии Диалиев (№ 36, стр. 91—93) и вместо 12% считать ее равной 5,45% не представляется убедительной.

²¹ Как это было, например, в древнем Вавилоне (ЗХ, 45).

²² Автор, не интересующийся хозяйственным аспектом, не делает отсюда никаких выводов. Между тем сам факт фиксированной на много лет вперед платы (даже при

выступают как равноправные договаривающиеся стороны. При определенных условиях землевладелец теряет право пользования землей и получения плодов. В основе — добровольное соглашение обеих сторон. Их права и возможность санкций основаны на соглашении, а не на передаче объекта в распоряжение и взятии его во владение. Земля используется как источник денежных доходов прежде всего государством и храмами, которые нуждались в средствах, а потом уже частными лицами.

Здесь уместно было бы обратить внимание на характерную для греческих полисов черту — отсутствие государственного хозяйства и аппарата, который мог бы обеспечить его функционирование.

Автор обращает внимание на любопытную деталь аттической аренды. В некоторых соглашениях указывается, кто будет платить эйсфору со сдаваемого в аренду имущества: в пяти случаях из семи эйсфору платит владелец, в двух — арендатор²³. Налог взимался с имущества, и государству было безразлично, в чьих руках оно находилось. Отвечал перед казной или симморий, разумеется, владелец. Беренда, как уже было сказано, эти аспекты не интересуют. В связи с эйсфорой, которая, как видно из арендных надписей, взималась и с земель демонов, фратрий, оргеонов, правомерно подчеркнуть принципиальное отличие между государственными и общественными землями. Автор этого, к сожалению, не делает.

Книга Беренды представляет собой полезную сводку материала источников²⁴ и специальной литературы по аттической аренде. Автор справедливо отвергает распространенную тенденцию рассмотрения греческих институтов с позиции римских правовых представлений. Однако самоограничение только правовым аспектом и только эпиграфическими данными сужает возможности всестороннего анализа. Именно потому, что, как сам автор указывает, в Греции теория шла вслед за практикой, а не опережала ее, нельзя отрывать правовой аспект от реальных экономических и социальных отношений.

Л. М. Глушкина

наследственной аренде) отлично характеризует застойный консервативный характер греческого сельского хозяйства.

²³ № 24, 35 (стр. 76—80, 90—91). Земля принадлежит демам. Аренда наследственная. Однако и там, где эйсфору платит владелец, встречается наследственная аренда. Закономерности здесь выявить невозможно.

²⁴ Как указывалось выше, работа очень выиграла бы, если бы тексты источников давались не в отрывках, а *in-extenso*.